

Мдивани Георгий

1985

НЕИЗМЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

ГЕОРГИЮ Мдивани — видному советскому драматургу — 26 сентября исполнилось бы 80 лет...

Предлагаем вашему вниманию диалог Георгия Мдивани и критика Николая Абалкина из книги «Диалог с драматургом», вышедшей в издательстве «Советский писатель». Беседа публикуется в сокращенном варианте.

Уроки Горького, его писательский опыт, его драматургия, счастливо продолжающая и ныне свою сценическую жизнь, представляют собой необходимейший университет совершенствования драматического искусства. Драматург, который равнодушно минует его, многое потеряет...

Горьковским урокам, горьковским заветам и был посвящен диалог драматурга и критика.

Критик: Я спрашивал ваших товарищей, как оценивают они значение горьковских заветов, оставленных им нашей драматургии. Теперь хочу спросить об этом же и вас, Георгий Давидович.

Г. Мдивани: На месте издателей газет и журналов, занимающихся вопросами драматургии, я перепечатывал бы из номера в номер некоторые выступления Горького, в частности, его статьи: «О пьесах», «О социалистическом реализме», «О кочке и точке», «Как я пишу» и его же письма к Л. Леонову, А. Афиногенову, А. Щербакову, в которых Алексей Максимович касается вопросов мастерства драматических писателей, пишет о том, каким должен быть главный герой драмы.

Горьковские статьи и письма удивительно современно звучат и сегодня. В этом сила великого писателя, в этом и злободневность его статей во все времена развития нашего социалистического общества.

Критик: Но ведь все его статьи и письма давно опубликованы и широко известны.

Г. Мдивани: Да, конечно, все написанное Горьким можно прочесть и в томах его

сочинений. Но, к сожалению, я повторяю: к сожалению, то, что есть в его томах и что заслонено теперь от внимания современника ореолом классика, часто в умах людей как бы теряет свою актуальность. К теоретическим статьям классиков обращаются, как правило, только литературоведы и критики.

Критик: Да и обращаются-то больше, чего греха таить, по какому-нибудь юбилейному поводу, вне живой связи с сегодняшним днем литературы.

Г. Мдивани: К сожалению, так и бывает, Николай Александрович!

Критик: Заветы Горького нашим драматургам высказаны не только в его беседах, статьях и письмах. Они «высказаны» самой горьковской драматургией. Но вы помните, как сам Горький относился к своим произведениям. В статье «О пьесах» он решительно заявил, что драматургию его изучать не следует, изучать в ней нечего, выведенные им характеры недописаны, неярки, неудачны... Как относитесь вы к подобной авторской самокритике, чем она, по вашему мнению, вызвана?..

Г. Мдивани: Самокритика Горького — это не кокетство великого писателя.

Критик: Что-то, а уж оно никак ему не свойственно!

Г. Мдивани: Самокритика писателя — не что иное, как забота о труде молодого драматурга, вернее, о системе его труда. Горький, например, довольно подробно рассказывал, как он писал пьесу «На дне», как изучал для этой великой

драмы каждого персонажа, у которого непременно был свой прототип в жизни, с которым драматург был хорошо знаком. Он подробно рассказал, как обогащал образы своих героев: беря типические свойства характеров у многих наблюдаемых им в жизни людей, он создавал на основе житейских наблюдений свой, желаемый образ положительного и отрицательного персонажа.

Все статьи и письма Горького, касающиеся театральной драматургии, — это не только желание писателя-родоначальника пролетарской литературы — направить искусство театра в нужное для нашего общества русло. Это и уроки того, как создавать современную драму, как писать пьесу, как воплощать характер современного героя.

Критик: У себя, Горький как будто говорил молодому драматургу: вот я двадцать лет изучал материал, изучал людей, постарался, чтобы каждый мой персонаж имел характер свой, свой язык, свою жизненную философию. Но все равно пьеса оказалась слабой, и она уже, видимо, устарела.

Критик: Да, так, наверное, и следует все это понимать, Горьковская самокритика имела, действительно, педагогическое, воспитательное назначение. При всем уважении к Горькому мы, конечно же, никак не согласимся с его оценкой собственной драматургии. Она остается для нас классическим образцом высокого драматургического мастерства. А если это так, то чему же следует нынешним драматургам — молодым в особенности — учиться у Горького?..

Г. Мдивани: На этот ваш вопрос, Николай Александрович, отвечу так: прежде всего следует учиться горьковской

идейной устремленности, горьковскому мастерству лепки образов из сплава человеческих страстей и человеческих слабостей, учиться тому, чтобы в творчестве своем «встать выше действительности и возвысить человека над ней», а не утруждать современного героя «непрерывной мелочной борьбой за выгодное и спокойное местечко в жизни»...

Я не хочу сказать, что нам не нужны хорошие бытовые пьесы — о любви, ревности, разводах, о том, как плохо, когда жена изменяет мужу, а муж увлекается другой, как трудно порой бывает жить... Об этом тоже следует писать.

Но когда унылые герои таких пьес вытесняют со сцены подлинных современных героев, чудо — людей, спасших мир от фашизма, чудо — людей, убивших в себе зоологический идеализм мещан, людей, которые знают: все, что делается в его доме, в его городе, в его стране, — все это делается для всего народа, для мира, для человечества. И вот когда место подлинных героев занимают на сцене «маленькие человеки» с мещанскими своими страстями, это уже нетерпимо!

Критик: Согласен с вами! В советской драматургии мещанство, действительно, нетерпимо в любых его проявлениях... Какой грозной силой для него были и остаются Горький, Маяковский! Какие сокрушительные удары наносили они по мещанству в любых его обликах — естественных и маскарадных, в любой его социальной, бытовой мимикрии.

А нынешняя драматургия... Уж не забыла ли она о боевой гражданской традиции нашей литературы, оставляя мещанство в покое?

Г. Мдивани: У нас встреча-

ются даже такие драматурги, которые не прочь похвалиться своим «критическим направлением» в искусстве. Но они никак не могут похвастаться тем, что вывели на сцену нового героя, неповторимой нашей эпохи, высоко подняли его и показали всему миру.

К сожалению, можно услышать иной раз мнение об устарелости — де взглядов тех или других великих современников. Это, по-моему, свидетельство слабости, боязни, проявленных художником перед величием задач современного искусства. Конечно, куда легче писать о мелких неурядицах жизни, чем пламенным словом поднимать людей, обжигать «мещанскую ржавчину душ наших».

Критик: Тут мы подошли с вами к важнейшему рубежу: к овладению сложным драматургическим мастерством, к тем требованиям, которые предъявляет драматургу наше время.

Г. Мдивани: «Изучение людей труднее, чем изучение книг, написанных о людях», — говорил Горький. Видя, как иные драматурги слишком легко берутся за написанные пьесы, он с горечью замечал: «...молодые литераторы явно недооценивают значение знаний. Они как будто надеются на «вдохновение», но мне кажется, что «вдохновение» ошибочно считают возбуждением работы; вероятно, оно является уже в процессе успешной работы как следствие ее, как чувство наслаждения ею».

Горького волновало состояние всей советской литературы, литературы новой революционной эпохи, литературы, борющейся против «зоологического идеализма мещан для того, чтобы создать условия для свободного развития ярких

индивидуальностей, для того, чтобы обеспечить всем людям полную свободу творчества во всех областях»...

В условиях советской действительности идеи Горького о литературе, об искусстве, о том, каким должен быть сегодняшний писатель и его герои, строящие новый мир, не выданное до сих пор в истории новое общество, давно уже стали направляющими. Горький это прекрасно понимал и поэтому так чутко был к начинающим литераторам. Как истинный хозяин, как садовник, лелеял он ростки нового, прогрессивного и пресекал бесталанность, идейные заблуждения...

Критик: В заключение нашего диалога хотелось бы спросить вас, Георгий Давидович, вот еще о чем: как вы определяете для себя природу горьковского гуманизма, какое человеколюбие, считаете вы, Горький отвергал и какое человеколюбие утверждал он в своей драматургии?..

Г. Мдивани: Говоря о гуманизме, многие понимают его просто как человеколюбие вообще.

Критик: Как добренькую и смиренную христианскую проповедь.

Г. Мдивани: Вот именно. Горьковский гуманизм — гуманизм классовый, пролетарский. Горький прекрасно понимал: для того, чтобы победило добро, надо уничтожить зло, уничтожить его беспощадно!

А носителем добра или зла, конечно же, является человек. «Мы живем в стране, — писал Горький, — где рабочий класс поставил перед собой трудную и прекрасную цель: уничтожить все условия, искажающие людей с детства».

И вот такое человеколюбие утверждал Горький в своей прозе, публицистике, в своей драматургии...